

БРАЧНАЯ КЛЯТВА В БРИТАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: ДИСКУРСИВНЫЙ КОНТЕКСТ И СТРАТЕГИИ РЕАЛИЗАЦИИ

Часть 1

А. В. Быстрых, К. А. Кирпичева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 апреля 2017 г.

Аннотация: в фокусе внимания настоящей статьи находится дискурсивное событие Брачная клятва как особый вид ритуального институционализованного текста. Контрастивный анализ коммуникативно-прагматических особенностей реализации рассматриваемого речевого эпизода в ситуации гражданской и религиозной церемоний бракосочетания позволил отметить наличие жесткой контекстно обусловленной иерархии статусно-ролевых отношений участников коммуникации. Выявленные в ходе исследования дискурсивные стратегии свидетельствуют о существовании специфичных законов организации дискурса в институциональном контексте.

Ключевые слова: комиссивный речевой акт, дискурсивное событие, брачная клятва, ритуальный и институциональный дискурс, дискурсивные стратегии, социопрагматические аспекты дискурса.

Abstract: the paper focuses on the communicative and pragmatic premises of Wedding vows as a ritual discourse event. Comparative analysis of religious and civil ceremonial contexts reveals a rigid hierarchy of communicative and status roles of the participants. The findings also attest a number of discourse strategies specific for institutional communication.

Key words: commissive speech act, discourse event, wedding vows, ritual and institutional discourse, discourse strategies, socio-pragmatic aspects of discourse.

Несмотря на то что Дж. Серль в своей ставшей уже хрестоматийной работе [1] подробно изложил методологию речеактового анализа именно на примере комиссивных речевых актов, интерес исследователей к этому виду речевых действий в последнее время только возрастает [2–8]. Вместе с тем область приложения научного интереса в обозначенных работах, как правило, ограничивается естественными для комиссива бытовыми коммуникативными контекстами, в то время как такой специфичной разновидности комиссивных действий, как *ритуальная клятва*, уделяется весьма ограниченное внимание. Не в последнюю очередь это объясняется тем, что не до конца решенной остается проблема внутривидовой дифференциации комиссивов, в том числе проблема разграничения речевых актов клятвы и обещания (далее – РА Клятвы и РА Обещания), в силу наличия значительных зон пересечения в функционально-прагматическом поле комиссивов [3; 9; 10].

В настоящей статье предлагается анализ реализации комиссивной интенции в контексте священнодействия, который позволяет выделить *дискурсивно обусловленные* особенности осуществления РА Клятвы в британской культуре.

Контрастивный анализ коммуникативно-прагматических особенностей реализации комиссивного речевого акта клятвы проводился на материале текстов брачных клятв в контексте религиозных (англиканской/протестантской и католической) и гражданских церемоний бракосочетания. Отметим, что рассматриваемый дискурсивный контекст имеет высоко *ритуализованный* и *институционализованный* характер. Брачная клятва является исторически сложившимся и утвержденным интегрирующим механизмом социума, разделяемым англоязычными культурами [11]. Крайне ритуализованная процедура церемонии бракосочетания и, в частности, ритуал клятвы, традиционно выполняют регулирующую в отношении институтов семьи и брака функцию. Как следствие, это влечет за собой ряд специфичных, культурно обусловленных внеязыковых установлений, которые не могли не отразиться на языковой составляющей данного ритуала.

Существенным условием, отличающим РА Клятвы, является степень ответственности, возлагаемой на говорящего и осознаваемой всеми участниками коммуникации [12]. Так, невыполнение обязательств, возложенных на себя обещающим, как правило, подразумевает потерю «лица», утрату доверия, авторитета или разрыв отношений между коммуникантами. В отличие от обещаний, нарушение клятвы сопро-

ждается санкциями иного характера. Осуществляя речевой акт институциональной клятвы, говорящий осознает серьезность последствий несовершенного предсказуемого действия. В этом случае он несет более строгое наказание – публичное изгнание из сообщества, уголовное преследование или кару свыше. Иными словами, светские и религиозные традиции, а также сакральность ритуала и гражданская ответственность участвующих сторон клятвобудствия являются определяющими факторами в регламентации как сценария, так и языковой формы данной процедуры. В связи с этим можно утверждать, что тексты брачной клятвы проявляют прагматическое единообразие и отличаются наличием определенных, жестко закрепленных «правил игры», составляющих социопрагматический контекст этого ритуала и, собственно, обуславливающих наш исследовательский интерес.

Ввиду того что общепринятая единица анализа и описания речевого общения – речевой акт – зачастую не удовлетворяет требованиям, предъявляемым в современных дискурсивных исследованиях к описанию сложноорганизованных типов текста, в качестве такой оптимальной единицы в настоящей работе принимается *дискурсивное событие* (далее – ДС). Являясь совокупностью «прагматически когерентных речевых действий, направленных на достижение общей коммуникативной цели» [13, с. 137], дискурсивное событие позволяет расширить рамки исследования до анализа более крупных (нежели единичные высказывания или формируемые ими диалогические единства) дискурсивных интеракций и учесть ключевые для ритуального институционального контекста внеязыковые параметры.

Церемония бракосочетания является особым видом ритуальной коммуникации, а брачной клятве в ней отведена роль центрального ритуального действия. В отличие от прототипического обещания, сценарий и форма реализации ритуальных действий определяется характером отношений, в которые вступают коммуниканты [2]. В ситуации церемонии бракосочетания взаимодействие между ее участниками регулируется нормами права и морали, а значит, любое отклонение от утвержденного сценария расценивается как недопустимое нарушение процедуры, ставящее под угрозу ее легитимность. В связи с этим одной из наших первостепенных задач является описание возможных сценариев коммуникативной ситуации церемонии бракосочетания и определение ее *системообразующих (инвариантных) и факультативных* композиционных элементов. Ввиду прагматической константности текстов религиозной и гражданской церемоний мы считаем возможным определить инвариант сценария церемонии – сово-

купность дискурсивных ходов¹ (далее – ДХ), характерную для конкретного типа церемонии, и вариативную часть, специфичную для каждого отдельного дискурсивного контекста.

Как видно в таблице, анализ собранного эмпирического материала демонстрирует существование четкого алгоритма аранжировки речевых действий в рамках установленного сценария, что свидетельствует о наличии инвариантности в композиционной структуре каждого типа церемонии.

Далее рассмотрим сущность каждого отдельного дискурсивного хода и контекстные особенности его реализации. Являясь крайне формализованной процедурой, церемония бракосочетания традиционно начинается с ДХ Открытие церемонии – вступительной речи священника, в которой эксплицируется центральная иллокуция речевой ситуации.

(1) Протестантская церемония – *Priest: Dearly beloved, we have come together in the presence of God to witness and bless the joining together of this man and this woman in Holy Matrimony.*

(2) Католическая церемония – *Priest: We are gathered here today in the sight of God and angels, and the presence of friends and loved ones, to celebrate one of life's greatest moments, to give recognition to the worth and beauty of love, and to add our best wishes and blessings to the words which shall unite (name) and (name) in holy matrimony.*

(3) Гражданская церемония – *Registrar: Good morning/afternoon ladies and gentlemen and welcome to the (place) for the marriage of (name) and (name). This place in which we are now has been duly sanctioned according to law for celebration of marriage. This ceremony will unite (name) and (name) in marriage. We are here to celebrate their union and to honour their commitment to each other. Today the couple will proclaim their love for one another. We celebrate with them and for them.*

Рассматриваемый дискурсивный ход является системообразующим как в гражданской, так и в религиозной церемониях и, помимо экспликации центральной иллокуции всей интеракции, выполняет роль *метакоммуникативного маркера* начала церемонии. Отметим, что в религиозных дискурсивных контекстах сопутствующим метакоммуникативным назначением данного хода является закрепление за священником роли «модератора» интеракции («коммуникативного лидера»). Обращение священника к присутствующим является одновременно и способом установления авторитета, лежащего в основе его

¹ Во избежание терминологических несоответствий, мы используем термин «дискурсивный ход» (ДХ) для описания поэтапной реализации отдельных речевых актов и дискурсивных событий, входящих в состав интерактивной модели Церемонии бракосочетания.

Сценарии речевой ситуации Церемония бракосочетания

Дискурсивный ход	Религиозная церемония		Гражданская церемония
	Протестантская	Католическая	
Вступительная часть			
1. Открытие церемонии / Приветствие	+	+	+
Основная часть			
2. Подтверждение легитимности бракосочетания	+	+	+
3. Брачная клятва	+	+	+
Заключительная часть			
4. Религиозные чтения	+	+	–
5. Окончание церемонии	+	+	+

институциональной (как служителя церкви и представителя Бога) и событийной (как лица, наделенного полномочиями проводить ритуал и сочетать участников церемонии браком) ролей. Сравним тексты церковных церемоний бракосочетания (1–2; 5–6), имеющие выражено торжественный и официальный характер, и образцы гражданских церемоний (3–4), в которых подчеркивается эмоциональная значимость события для брачующихся. Ритуально обусловленная необходимость отсылки к Богу как свидетелю клятводействия в религиозных контекстах и формальное приветственное обращение ведущего к присутствующим в ситуации светской церемонии демонстрируют неравноправие коммуникативного статуса священника (как репрезентанта высших сил) и брачующихся на фоне симметрии событийных и коммуникативных ролей участников светской церемонии.

(4) Гражданская церемония – *Officiant: (name) and (name), today you celebrate one of life's greatest moments and give recognition to the worth and beauties of life, as you join together in the vows of marriage.*

(5) Протестантская церемония – *Priest: Dearly beloved, we have come together in the presence of God to witness and bless the joining together of this man and this woman in Holy Matrimony.*

(6) Католическая церемония – *Priest: We are gathered here today in the sight of God and angels, and the presence of friends and loved ones, to celebrate one of life's greatest moments, to give recognition to the worth and beauty of love, and to add our best wishes and blessings to the words which shall unite (name) and (name) in holy matrimony.*

За приветственной частью следует ДХ Подтверждение легитимности бракосочетания, который имеет ключевое значение для фокусного дискурсивного события Брачная клятва и призван формально определять дальнейший ход всей церемонии. Данный дискурсивный ход вербально объективирует условие искренности РА Брачной клятвы, которое заключается в уверенности говорящего в искренности собствен-

ных намерений и отсутствии каких бы то ни было препятствий для заключения брака. Кроме того, открыто манифестируемая категория коммуникативной власти в данном речевом эпизоде, а именно передача коммуникативной власти брачующимся (в гражданской церемонии (7)) или священнику (в религиозных контекстах (8)), отражает институционально закрепленную *симметрию/асимметрию коммуникативных и событийных ролей* в каждом типе церемонии.

(7) Гражданская церемония – *Groom/Bride: I do solemnly declare that I know not of any lawful impediment why I (name) may not be joined in matrimony to (name).*

(8) Протестантская церемония – *Priest: I require and charge you both, as ye will answer at the dreadful day of judgment when the secrets of all hearts shall be disclosed, that if either of you know any impediment, why ye may not be lawfully joined together in Matrimony, ye do now confess it.*

Фокусное для настоящего исследования ДС Брачная клятва является кульминационным в композиционном и дискурсивном планах элементом всей церемонии. Примечательно, что имеющийся у нас корпус текстов брачных клятв свидетельствует о большей степени вариативности данного этапа церемонии по сравнению с сопутствующими дискурсивными ходами. Тем не менее сопоставительный анализ собранного материала демонстрирует отсутствие принципиальных различий в содержании и организации текстов католической и протестантской брачных клятв. Принимая этот факт во внимание, представляется возможным проведение дальнейшего контрастного анализа данного дискурсивного хода в виде противопоставления текстов религиозной и гражданской клятв.

Кратко остановимся на интегральных характеристиках текстов фокусного для нашего исследования ДХ Брачная клятва. Подобно предваряющему его дискурсивному ходу – Подтверждение легитимности бракосочетания, сценарий брачной клятвы допускает незначительные вариации, которые в большей степе-

ни отражены в его структуре, нежели форме. К слову, композиционная структура данного дискурсивного хода обусловлена набором его участников и степенью вмешательства в ритуальные действия третьей стороны (ведущего церемонии). Отметим, что контекст религиозной церемонии априори наделяет ведущего (в данном случае – священнослужителя) особой коммуникативной (помимо собственно религиозной) властью, а следовательно, большими полномочиями по установлению хода и формата интеракции. Некоторые исследователи [4; 14; 15] предполагают, что в данной коммуникативной ситуации священник является репрезентантом Бога, а его участие – залогом коммуникативной успешности и легитимности процедуры. В свою очередь, контекст гражданской церемонии бракосочетания отличает максимально допустимая для ритуальной коммуникации гибкость. При условии сохранения его инвариантного ядра содержание гражданской церемонии и языковое оформление основных дискурсивных ходов может подвергаться трансформации – изменения могут вноситься по желанию самих брачующихся; могут создаваться новые сценарии или адаптироваться уже существующие. Во-первых, это объясняется сравнительно недолгой историей светской традиции бракосочетания в британской культуре². Во-вторых, в речевой ситуации такого рода роль носителя коммуникативной власти («коммуникативного лидера») не монополизирована ведущим церемонии, а определяющая священный ритуал характеристика сакральности уступает место светскости.

Подводя итог описанию особенностей дискурсивного контекста церемонии бракосочетания и, в частности, фокусного для настоящего исследования этапа – ДХ Брачная клятва, отметим, что специфика рассматриваемого речевого эпизода в первую очередь определяется его социопрагматическими параметрами. Будучи ярким примером институциональной коммуникации, брачная клятва проявляет себя как специфическая категория комиссива и подчиняется особым законам дискурсивной организации. Выделенные инвариантные составляющие сценариев религиозных и гражданских церемоний бракосочетания свидетельствуют о том, что ритуальные речевые действия, входящие в состав любого дискурсивного хода, в том числе и ДХ Брачная клятва, подвергаются жесткому регламентированию. Значительная степень устойчивости языковой и интеракционной составляющих описываемого дискурсивного эпизода объ-

ясняется высоким уровнем ритуализованности институционального контекста, в котором отклонения от канонических текстов и установленного порядка процедуры влекут за собой санкции более жесткие, чем потеря коммуникантом своего «лица». Кроме того, ритуальный характер коммуникации накладывает свой отпечаток на статусно-ролевую структуру коммуникативных отношений ее участников. Результаты сопоставления текстов религиозных и светских церемоний обнаруживают очевидную асимметрию коммуникативных и событийных ролей священника и брачующихся в контексте церковного бракосочетания, в то время как речевые действия ведущего гражданской церемонии свидетельствуют о коммуникативном паритете ее участников.

Во второй части нашей статьи мы обратимся к анализу локальных и глобальных дискурсивных стратегий оформления клятвобдействия в рамках брачной церемонии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Searle J. R. *Speech acts : An essay in the philosophy* / J. R. Searle. – Cambridge : Cambridge University Press, 1969. – 203 p.
2. Boguslawski A. *An Analysis of promise* / A. Boguslawski // *Journal of Pragmatics*. – 1983. – Vol. 7. – P. 607–627.
3. Kurji A. H. *An update semantics for promise and other obligation-creating speech act* / A. H. Kurji. – Amsterdam : Institute for Logic, Language and Computation, 2012. – P. 22–26.
4. Embugushiki A. U. *Doing things with words : a speech act analysis of a Christian wedding* / A. U. Embugishiki // *An international multi-disciplinary Journal*. – 2010. – Vol. 4. – P. 51–61.
5. Egner I. *Intercultural aspects of the speech act of promising : Western and African practices* / I. Egner // *Intercultural Pragmatics*. – 2006. – Vol. 3/4. – P. 443–462.
6. Leeds-Hurwitz W. *Wedding as a Text. Communicating Cultural Identities Through Ritual* / W. Leeds-Hurwitz. – London : Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 2002. – 308 p.
7. Bilbow G. T. *Commissive speech act use in intercultural business meetings* / G. T. Bilbow // *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*. – 2002. – Vol. 40. – P. 287–303.
8. Кострова О. А. *Промиссивный текстотип как прагмастилистический феномен (на материале английского языка)* / О. А. Кострова, А. В. Антонова // *Вестник ОГУ*. – 2004. – № 11. – С. 137–143. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/promissiv-nyy-tekstotip-kak-pragmastilicheskiy-fenomen-na-materiale-angliyskogo-yazyka>
9. Wierzbicka A. *English Speech Act Verbs : a Semantic Dictionary* / A. Wierzbicka. – Sydney : Academic Press, 1987. – P. 205–213.

² Согласно вступившему в силу в 1753 г. закону о браке (The Marriage Act 1753) формальная церковная церемония теряла свою юридическую силу, и законными признавались браки, заключенные в присутствии административного лица с предварительным получением специального свидетельства о браке (marriage licence).

10. *Филимонова Е. А.* Прототипическая картина класса комиссивов (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Филимонова. – Уфа : Башкир. гос. ун-т, 2003. – 24 с.

11. *Орехов С. И.* Клятва и проклятие как элементы религиозного культа / С. И. Орехов // *Отношение человека к иррациональному*. – Свердловск, 1989. – С. 198–215.

12. *Ring L. T.* The Meaning of Commissive Speech Act Verbs / L. T. Ring. – University of New Mexico, 1993. – 104 p.

13. *Цурикова Л. В.* Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации / Л. В. Цурикова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2002. – 256 с.

14. Skousgaard S. Vows and Promises : a phenomenology of religious experience / S. Skousgaard // *Philosophy Today*. – 1982. – P. 65–73.

15. *Schlesinger H. J.* Promises, Oaths and Vows / H. J. Schlesinger. – New York : Taylor & Francis Group, 2008. – 216 p.

Воронежский государственный университет

Быстрых А. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии

E-mail: andy0210@yandex.ru

Тел.: 8-960-121-06-69

Voronezh State University

Bystrykh A. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the English Philology Department

E-mail: andy0210@yandex.ru

Tel.: 8-960-121-06-69

Кирпичева К. А., магистрант кафедры английской филологии

E-mail: christina.kirpicheva@yandex.ru

Тел.: 8-900-306-36-18

Kirpicheva K. A., MA Student of the English Philology Department

E-mail: christina.kirpicheva@yandex.ru

Tel.: 8-900-306-36-18